РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. 1-ое Сентября 1912 г. № 2.

Передъ выборами въ 4-ю Думу.

Когда либеральный, высокопросвѣщенный изслѣдователь анализируетъ ходъ человѣческой исторіи, онъ почти всегда приходитъ къ утѣшительнымъ выводамъ: прогрессъ идетъ семимильными шагами, ростъ культуры несомнѣненъ. Есть, конечно, и подозрительныя, кровавыя пятна, но... и на солнцѣ есть пятна. И сердце ученаго трепещетъ и радостно бьется. Подобно пушкинскому скупому рыцарю, наслаждающемуся въ подвалахъ грудами золота, ученый не нарадуется на сундуки, биткомъ набитые культурными цѣнностями. И въ тотъ день, когда онъ можетъ «въ шестой сундукъ, сундукъ еще не полный, горсть золота накопленнаго всыпать», можетъ записать еще одну радикальную реформочку, — торжеству нѣтъ границъ. Забываетъ изслѣдователь «сколькихъ человѣческихъ заботъ, обмановъ, слезъ, мученій оно — тяжеловѣсный представитель» Забываетъ,... но не всегда. Надо быть справедливымъ къ радикальному изслѣдователю: не всякую реформочку онъ въ общечеловѣческій сундукъ положитъ. Онъ бы, навѣрное, съ негодованіемъ отвергъ предложеніе записать съ торжествомъ русскую конституцію, ея парламентъ, созданный на основаніи закона 3-го іюня... Онъ сказалъ бы: «русская Дума — не «золото», она — явная, безстыдная, аляповатая поддѣлка, правда, нужная для «Европы» и для «конституціоннаго» оправданія домогательствъ землевладѣльческой шайки. Участники и творцы Думы — уголовная банда, и ихъ должно судить, какъ судятъ фальшивомонетчиковъ». Когда же вы слышите хриплые, надорванные голоса соціалистовъ-демократовъ: «рабочіе, выбирайте въ 4-ую Думу!», невольно возникаетъ вопросъ, есть ли у этихъ «политиковъ» чувство брезгливости, присущее не совсѣмъ обнаглѣвшему радикалу?... Не намъ, конечно, дѣлить демократію и парламентъ на истинные и ложные: знаемъ мы цѣну всякой демократіи, знаемъ къ чему приводитъ неизбѣжно парламентская тактика. Но вопросъ объ участіи въ русской 4-ой Думѣ — вопросъ не тактики, а... стыда! Просто стыдно участвовать въ наглой и развратной комедіи, позорно звать вписавшихъ блестящую страницу въ исторію міровой борьбы русскихъ рабочихъ къ участію въ четвертой Думѣ... Это ужъ не парламентскій кретинизмъ, а парламентское буйное помѣшательство въ самой опасной и рѣзко выраженной формѣ... И, правда, о такихъ «политикахъ» не стоило бы и говорить. Еслибы не сознаніе, что помѣшательство — *неизбѣжный* результатъ парламентаризма *вообще*, если бы въ этомъ призывѣ къ участію въ выборахъ не проявлялась такъ рѣзко тенденція легализовать пролетаріатъ во что бы то ни стало; а потому-то мы должны обратиться къ тѣмъ аргументамъ, которые мы выставляемъ противъ парламентаризма и легализма вообще. Мы, конечно, не можемъ въ предѣлахъ газетной статьи исчерпать всѣ наши возраженія противъ фикціи «народной воли», «большинства», «контроля надъ представителями»; мы только остановимся на роли парламента, какъ орудія классовой борьбы. Идея борьбы трудящихся можетъ быть коротко и ясно формулирована такъ: рабочій въ современномъ обществѣ — *вещь*, а хочетъ онъ во *всѣхъ* областяхъ сдѣлаться *личностью*... Эта формулировка нисколько не отвлеченная, она очень реальна, она не только не игнорируетъ, а кладетъ въ основаніе борьбу рабочихъ за *хлѣбъ* и волю, борьбу экономическую.

Въ древности положеніе раба, какъ *вещи*, было ясно и несомнѣнно. Философы называли рабовъ *говорящими инструментами*. Рабовъ избивали и убивали, если становилось невыгоднымъ ихъ кормить; обмѣнивали и продавали, если такой обмѣнъ хозяевамъ былъ выгоденъ; политическихъ правъ рабъ, конечно, не имѣлъ. Правами пользовались одни лишь свободные. Положеніе тогда было ясное, рѣзко опредѣленное. Прошло много, много вѣковъ. Много и многое измѣнилось; измѣнились нравы, обычаи, учрежденія, идеи. Лишь институтъ рабства въ формѣ *наемнаго* труда остался непоколебленнымъ. Но въ положеніи современнаго раба произошло глубокое измѣненіе: *говорящій* инструментъ превратился въ *голосующій* инструментъ... Рабочій и крестьянинъ пользуются политическими правами: они вотируютъ законы, имѣютъ своихъ депутатовъ-избранниковъ, и еще сколько! Приблизительно 70 — во Франціи, 80 — въ Австріи, 110 — въ Германіи. Ликовать бы радикалу: «демократическіе сундуки» наполняются, но... радикалъ напуганъ, боится онъ сюрпризовъ непріятныхъ со стороны прогресса... Зато ликуютъ соц.-дем.: — 110 депутатовъ!... 4 милліона голосовъ!... Одни лишь анархисты угрюмо и упорно напоминали о томъ, что всѣ «110» — 110 «человѣческихъ обмановъ, тяжеловѣсный представитель!»... Быть можетъ, анархисты изъ доктринерскаго упрямства не восхищаются успѣхами въ видѣ цыфры «110»? Быть можетъ, анархисты не хотятъ, не умѣютъ считаться съ исторіей? Нѣтъ. Именно анализъ формъ рабства и утверждаетъ ихъ въ отрицательномъ отношеніи къ парламентаризму. Хорошо жилось рабовладѣльцамъ... Да вотъ «бѣда приключилася страшная» — *рабы возстали во имя свободы*. Страшно было и само возстаніе, но страшнѣе всего — грозовая, зловѣщая туча: рабы «заговорили» не только о мукахъ, причиняемыхъ данной формой рабства, но о *рабствѣ вообще*, о всякой неволѣ.. И, кто знаетъ, если бы это чувство охватило всѣхъ возставшихъ, не была бы ли иной вся исторія человѣчества? *Но, увы, всегда въ народѣ боролись и борятся двѣ стихіи — минимализмъ и максимализмъ*... Всегда царила эта раздвоенность: когда одни кричали: «хлѣба», — другіе, а очень часто тѣ же самые, но послушные другой стихіи, комментировали: «по 1½ ф. на брата».

И лозунгъ дѣлался страшнымъ не рабству вообще, а опредѣленной только формѣ рабства...

Когда одни говорили: «воли», другіе добавляли: «3 ар-

шина воли», какъ разъ столько, сколько нужно *для приличной*, культурной рабской могилы. *И въ этой двойственности — проклятіе и трагедія исторіи освобожденія...*

Программа-минимумъ — не внѣшнее зло, какъ не внѣшнее зло государство, она — плоть отъ плоти и кровь отъ крови народнаго минимализма. Не депутаты и интеллигенты минимализмъ породили, онъ, какъ смерть, какъ эпидемія, вѣрный спутникъ исторіи. Рабовладѣльцы инстинктомъ поняли серьезность положенія... Инстинктъ же больше, чѣмъ сознаніе, подсказалъ имъ блестящій, глубокій выходъ изъ положенія: *надо использовать раздвоенность въ лагерѣ борцовъ; надо, опираясь на народный минимализмъ, реформаторство, задушить, заглушить максимализмъ...*

Но для того, чтобы на народъ опираться, надо съ нимъ *сблизиться, объединиться...*, а сблизиться можно не съ вещами, а съ *личностями...* Старыя рамки для этой цѣли не годятся, нужно создать высшій коллективъ, куда бы на правахъ уже *личности* вошелъ и *рабъ*. Этотъ новый коллективъ — демократія; ея орудіе и организованное выраженіе — *парламентъ...*

Какова же роль рабочаго въ этомъ новомъ коллективѣ? Онъ — личность въ политикѣ, вещь въ производствѣ. Демократія объединаетъ въ единый народъ буржуа и рабочаго. Ясно, что рабочій долженъ бороться за расширеніе правъ демократіи, и онъ борется рядомъ, если не со всей, то съ лѣвымъ крыломъ буржуазіи... Между хозяиномъ и работникомъ организуется новая, тѣсная связь въ области политики; она сглаживаетъ пропасть въ области экономической... И новая формула рабства «личность-вещь» тяжелой цѣпью сковало рабочихъ. Таковы объективное значеніе и роль буржуазной демократіи и парламентаризма. Разумѣется, въ вышеприведенныхъ строкахъ мы дали только схему; мы прекрасно знаемъ, что демократія вовсе не результатъ чьего-либо адски задуманнаго плана; знаемъ, что дѣйствовалъ больше классовый инстинктъ, чѣмъ сознаніе, знаемъ и дѣйствіе многихъ безличныхъ факторовъ; знаемъ, что установленіе новой формы гнета, «вещь-личность», наступило не тотчасъ послѣ паденія рабства; что этотъ новый строй, не законченный до сихъ поръ, уже успѣлъ обнаружить и свои отрицательныя стороны. Мы лишь настаиваемъ на внутреннемъ смыслѣ современной демократіи... Анархизмъ и находящееся подъ его прямымъ вліяніемъ лѣвое крыло революц. синдикализма дали простой исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ: *что дѣлать*?

Они выставили два лозунга. Первый: непосредственная экономическая борьба, всеобщая стачка. Это значитъ: въ непосредственной экономической борьбѣ роль рабочаго, какъ вещи, выступаетъ несомнѣнно ясно; революціонизирующее значеніе этой борьбы для минималистически, *слѣдовательно, демократически* настроенныхъ массъ, очевидно. Слѣдовательно, попыткѣ образованія «единаго» народа наносится *непоправимый* ударъ.

Второй лозунгъ: борьба со всякой формой государственности. Это значитъ: пролетаріатъ *долженъ* интересоваться политикой; политика вліяетъ на «экономику», но бороться съ государствомъ не значитъ участвовать въ парламентѣ; бороться, какъ *классъ*, значитъ, между прочимъ, *не* поддерживать радикальнаго слоя буржуазіи противъ «отсталаго»... И тутъ идея «единаго народа» терпитъ позорное крушеніе...

Увы, не таковы лозунги марксистовъ и соціалистовъ-демократовъ; они *цѣликомъ* приняли буржуазные лозунги: они стали на точкѣ зрѣнія «народа», механически присоединивъ его къ классовой борьбѣ; классовая борьба стала словомъ, борьба за демократію и парламентъ — дѣломъ; они играютъ, а не борются съ иллюзіями массъ-минималистовъ и наивно гордятся тѣмъ, что будто они — «массовая» партія... Когда Марксъ провозгласилъ: «классовая борьба есть борьба политическая», онъ сказалъ нѣчто не совсѣмъ вѣрное, но ничего еще страшнаго въ этомъ не было: вѣдь подъ политической борьбой можно разумѣть *антигосударственную* борьбу. Но вотъ послѣ оказалось, что «политическая» борьба есть борьба «демократическая», за парламентъ, за конституцію; оказалось, что фактически рабочіе являются авангардомъ въ борьбѣ за общенародную свободу; оказалось, что марксизмъ къ «хитрой механикѣ» буржуазіи прибавилъ свою, а именно: онъ построилъ ученіе о развитіи производительныхъ силъ, какъ необходимую предпосылку къ свободѣ: ученіе о необходимости временной поддержки буржуазіи, какъ силы, способствующей росту этой объективной «предпосылки». Марксизмъ перенесъ классовую борьбу въ область слова-пропаганды и *технической* организаціи и занялся *на дѣлѣ* демократіей.

Анархизмъ раскрывалъ и раскрываетъ язву классоваго сотрудничества, указываетъ, что новая форма рабства «личность-вещь» внѣдряется не только благодаря буржуазіи, но и *благодаря марксистамъ*. Почему же буржуазія ненавидитъ соц.-дем.? Почему бьетъ тревогу она? Почему возстаетъ реакція изъ боязни с.-д. нашествія? Разъ марксисты усвоили буржуазные лозунги, то надо было ждать дружбы съ буржуазіей? Такъ спрашиваютъ наивные или наивничающіе люди. Мы, конечно, могли бы насчитать не мало примѣровъ этой трогательной дружбы.... но не въ этихъ примѣрахъ дѣло. Конечно, буржуазія въ цѣломъ не хотѣла бы никакой оппозиціи, никакого революціоннаго движенія, классоваго или демократическаго: она боится пролетаріата даже тогда, когда онъ борется за народныя блага, боится, какъ бы пролетаріатъ не размахнулся шире и глубже, чѣмъ этого требуютъ интересы всей націи.

Мы вѣдь не утверждаемъ, что соц.-демократія не борется, а говоримъ лишь, что она *на дѣлѣ* ведетъ рабочую борьбу такъ, какъ будто у рабочихъ и хозяевъ *различные*, а не *противоположные* интересы. *Вотъ въ чемъ дѣло*. Понятно, что буржуа ненавидятъ *даже* с. д., такъ какъ вѣдь *различные* интересы — фактъ; развѣ это мало для того, чтобы ненавидѣть, гнать... Въ исторіи ненависть и гнетъ проявлялись при менѣе существенныхъ разногласіяхъ. Но если буржуазія все-же васъ терпитъ, такъ это потому, что вы ей временами нужны, вы — зло, но изъ двухъ золъ (борьбы классовой и демократической) она выбираетъ меньшее... Для партіи с.-д., выражающей фактически различіе интересовъ рабовъ и господъ, демократія, парламентъ нужны, необходимы.

Для насъ, дѣйствіями вскрывающихъ и выражающихъ противоположность классовыхъ интересовъ, демократія, парламентъ не нужны, вредны. Надо-ли указывать вторично на уродство и нелѣпость участія въ русской Думѣ? Надо-ли повторять, что здѣсь и форма «личность-вещь» — ложь, ибо даже политическихъ, личныхъ правъ нѣтъ?...

Ленинъ какъ-то сказалъ: «Исторія загнала насъ въ хлѣвъ», разумѣлъ онъ 3-ью Думу. Да, хлѣвъ; и не знаешь, кто изъ населяющихъ этотъ «хлѣвъ» - Думу отвратительнѣе: ея шутъ — Пуришкевичъ, пророкъ — Родичевъ или воинъ — Гегечкори. По моему — другъ друга стоятъ... Опытъ нашей работы показалъ, что русскій рабочій вполнѣ доросъ до пониманія непосредственной борьбы, *противопоставляемой* парламентской. Постараемся расширить и углубить сознаніе рабочихъ. Постараемся, чтобы широкіе слои трудящихся усвоили нашу тактику, наше міросозерцаніе. Постараемся, чтобы трудящіеся усвоили и примѣнили нашъ лозунгъ:

Рабочіе, бойкотируйте всякаго рода парламентъ!

Трудящіеся, бойкотируйте 4-ую русскую Думу! *I.*

О РАБОТѢ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

РАБОЧІЙ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

Противники считаютъ насъ «мелко-буржуазной» пар-

тіей: мы молъ, не считаемся съ развитіемъ техники, выросшей въ нѣдрахъ капиталистическаго общества; мы въ своемъ идеалѣ воскрешаемъ «товарное хозяйство»: нашъ идеалъ — идеалъ мужичка хозяйственнаго.

Справедливы-ли упреки противниковъ? Нѣтъ. Есть фактическая неправда, а то, что фактически вѣрно, освѣщено и объяснено невѣрно. Указываютъ на Прудона. Прудонъ, анархистъ, признавалъ крестьянскую, мелкую, трудовую собственность. Правда. Но вѣдь надо вдуматься и понять историческую обстановку. Представьте себѣ страну, въ которой капитализмъ еще не разлучилъ крестьянина съ землей, а прошлый ходъ исторіи породилъ не общину, какъ въ Россіи и другихъ славянскихъ странахъ, а индивидуальную трудовую собственность. Представьте себѣ революціонера Прудона, желавшаго воплощенія трудовой справедливости *сейчасъ*; какъ ему быть? Ждать развитія капитализма? Но вѣдь это значитъ привѣтствовать не справедливость, а раззореніе и торжество капиталистической кабалы. Приходится ждать, пока *опытъ* и отчасти слово убѣжденія заставятъ крестьянъ признать и принять артельныя начала, а пока надо осуществить трудовую справедливость при данныхъ историческихъ условіяхъ. Споръ былъ вовсе не о желательности или нежелательности коллективныхъ формъ, а о томъ: бороться ли за трудовую справедливость *сейчасъ* или привѣтствовать насажденіе капитализма и спрятать идеалы труда на далекое, далекое будущее. И правъ соціалистъ Ландауэръ, указывающій, что Прудонъ былъ просто реалистомъ-максималистомъ. То же слѣдуетъ сказать о нашихъ русскихъ народникахъ. Среди нихъ было много анархистовъ-общинниковъ. Они, правда, часто переоцѣнивали хорошія стороны общины и дурныя стороны капитализма, но въ основѣ былъ тотъ же споръ: требовать-ли справедливаго распредѣленія сейчасъ, или-же привѣтствовать капиталистическое «накопленіе», ведущее къ раззоренію массъ...

Какъ относятся анархисты къ крестьянину, владѣльцу трудовой собственности, не пользующемуся трудомъ наемнымъ? Они видятъ опасность въ этой формѣ владѣнія: есть соблазнъ сдѣлаться мелкимъ хозяйчикомъ. Да и психологія мелкаго собственника не благопріятна коммунизму. Въ этомъ отношеніи преимущества цѣликомъ на сторонѣ мужика-общинника, батрака, городского рабочаго. Но, во первыхъ, хозяйчиками имѣютъ возможность сдѣлаться немногіе. Большинство — эксплуатируемы. Ихъ грабитъ помѣщикъ, купецъ-перекупщикъ, государство. Внѣ соціальной революціи — нѣтъ свободы для широкихъ слоевъ крестьянства. Мы ихъ зовемъ въ ряды *борющихся* за справедливость, и мы увѣрены, что общинныя формы оно, трудовое крестьянство, пойметъ, полюбитъ и приметъ, такъ какъ эта форма выгоднѣе, удобнѣе и больше въ ней гарантій справедливости. Если мы рисуемъ черными красками трудовое, мелкими участками владѣющее, крестьянство, то мы, съ другой стороны, не идеализируемъ, не видимъ въ одномъ лишь розовомъ свѣтѣ общину.

ОБЩИНА.

Вопросъ сложный. Споры относительно роли общины были долги и страстны. Спорили въ правящихъ сферахъ. Въ своихъ докладныхъ запискахъ царю одинъ министръ называлъ общину опорой царскаго престола, плотиной, мѣшающей волнѣ соціализма проникнуть въ патріархальную Россію; другой видѣлъ въ общинѣ колыбель революціонности, самороднаго анархизма и соціализма, сулилъ горе и бѣдствіе царю и богатѣямъ.

Спорили и соціалисты. Одни говорили (марксисты): община тормозитъ развитіе культуры; отсталыми формами хозяйства питается и отсталый, дикій, самодержавный строй, и туманное, рабское сознаніе массъ.

Народники говорили: пусть такъ; печально данное состояніе общины, но въ ней — залогъ народной правды; здѣсь — въ общинѣ — не нарушенъ принципъ правильнаго распредѣленія; боритесь съ государствомъ; боритесь вмѣстѣ съ крестьянами общинниками за экспропріацію земли. Подымется техника; подымется культура; и расцвѣтъ культуры не будетъ купленъ дорогой цѣной — нарушеніемъ принципа равенства въ распредѣленіи благъ жизни; новая культура выраститъ на почвѣ равенства народнаго... *).

Прошло много лѣтъ. Капитализмъ народился на Руси. Русскій пролетаріатъ удивилъ міръ своими грандіозными всеобщими забастовками. Но крестьянство по прежнему играетъ колоссальную роль. Община не разрушена. Какъ мы относимся къ общинѣ?

Такъ: никто и ничто не докажетъ, что община будетъ разрушена окончательно, что капитализмъ поглотитъ общину. Если такъ, то она — важный факторъ соціальной революціи, за общину надо бороться; община будетъ бороться за землю и волю; община сдѣлается важнымъ, хоть и не единственнымъ, органомъ въ дѣлѣ укрѣпленія равенства и организаціи общества на высшихъ братскихъ началахъ.

Но мы не закрываемъ глазъ и видимъ, что внутри общины борются различныя силы. Часть богатѣевъ хочетъ выдѣлиться, дабы разрушенная община перестала ихъ связывать своими уравнительными порядками. Эти хищники ищутъ добычи, они хотятъ разложенія общины. Другая часть богатѣевъ (правда, меньшая) хочетъ сохраненія общины, но не потому, что въ общинѣ воплощены начала равенства; ихъ, богатѣевъ, радуетъ, что эти начала уже кое-гдѣ и кое въ чемъ нарушены, что можно, оставаясь среди своихъ же братьевъ, эксплуатировать, угнетать; имъ важна не община, а язва общины, они цѣнятъ раны ея, и, когда выпьютъ всю кровь, барышники уйдутъ и еще надругаются надъ трупомъ общины... Различны также мотивы, по которымъ крестьяне выдѣляются. Выдѣляются не только богатѣи; выдѣляются отчасти тѣ, которые скорбятъ душой, видя недостатки общины; они уходятъ не потому, что они не общинники, а потому, что видятъ неправду и зло данной общины. Залѣчить раны — они безсильны. Быть зрителями смерти той общины, въ которой такъ много элементовъ правды народной, они не могутъ. Выходитъ, что не всѣ остающіеся въ общинѣ — ея друзья, не всѣ уходящіе — ея враги. Вотъ почему мы, безусловные сторонники общины, должны имѣть въ виду этотъ разладъ, этотъ пестрый составъ уходящихъ и остающихся, чтобъ не впасть въ ошибку. Надо помнить, что вообще въ общинѣ выражена не только *воля* народа; къ ней присосалось и государство въ своихъ денежныхъ цѣляхъ. Государство нуждалось въ круговой порукѣ, дабы быть увѣреннымъ, что община уплатитъ подати за малоимущихъ. Требуется знать общину; надо изучать; надо вдуматься въ ея составъ. Это необходимо для того, чтобы правильно служить интересамъ самой общины.

УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ.

Но, быть можетъ, указъ 9 ноября сдѣлалъ то, чего не сдѣлало развитіе капитализма? Да, безъ отвѣта на этотъ вопросъ трудно опредѣлить свое отношеніе къ общинѣ. Выходъ крестьянъ массами изъ общины — фактъ. Успѣхъ сначала оказался ослѣпительнымъ. И Столыпину, разрушителю общины, было чему радоваться. Но въ дальнѣйшемъ торжество это значительно омрачилось. Землеустроительныя комиссіи должны были признать, что народъ проявилъ гораздо большую силу сопротивленія, чѣмъ можно было ожидать. Открылась страшная, мрачная картина: землеустроительныя комиссіи превратились въ полицейскіе участки. Крестьянъ, боровшихся съ выдѣленіемъ, сажали въ тюрьмы, преслѣдовали, из-

---

*) Оцѣнкѣ этихъ мнѣній мы посвятимъ статьи въ ближайшихъ №№ «Рабоч. Міра».

дѣвались, надругались надъ ихъ достоинствомъ, раззоряли. Это одна изъ самыхъ страшныхъ страницъ царствованія убитаго временщика-кровопійцы Столыпина — позоръ и проклятье памяти его! Это дошло до того, что сенатъ буквально заваленъ жалобами на насилія и раззоренія со стороны погромщиковъ-землеустроителей. И даже Сенатъ, это скопище лакеевъ царя и помѣщиковъ, призналъ часть жалобъ правильными. Затѣмъ и количество выдѣлившихся стало падать. Участились признанія, что крестьяне на «хуторахъ» чувствуютъ себя отчаянно: сѣро, скучно, одиноко... Всѣ ихъ презираютъ, о какой-нибудь культурѣ, о благосостояніи не можетъ быть и рѣчи. Одинокое, запуганное, жалкое прозябаніе... А тутъ еще общинники не дремлютъ: «красный пѣтухъ» — частый гость. Если же припомнить признанія нѣкоторыхъ землеустроителей, что переходъ— часто фикція, одна лишь видимость, то станетъ яснымъ, что законъ 9 ноября безсиленъ сломить общину. Какъ это ни странно, но пишущій эти строки увѣренъ, что законъ 9 ноября будетъ имѣть, возможно, даже положительное значеніе: останутся элементы наиболѣе однородные, для которыхъ общинная жизнь — не внѣшняя традиція, не привычка, а цѣнность народная; эти элементы любятъ и цѣнятъ ту реальную справедливость, которая воплощена, хоть и не всегда цѣльно и послѣдовательно, въ общинѣ.

ПРОПАГАНДА.

Наша пропаганда среди крестьянъ должна быть проста, ясна; это достигается не замалчиваніемъ глубокихъ основъ міросозерцанія, а ясностью и цѣльностью изложенія. Помочь крестьянамъ организоваться въ коммуну безъ власти и государственнаго насилія — это будетъ понятно и близко крестьянству. Полемика съ другими народническими организаціями не нужна только тогда, когда это связано съ реальнымъ *дѣломъ*. Такъ: надо совѣтовать крестьянамъ не посылать въ Думы, не надѣяться на депутатовъ. Надо имъ просто и толково указать на вредъ централизма, на опасность вѣры въ буржуазную республику. Надо развить особенно сильную агитацію противъ военщины. Необходимо было бы созданіе спеціальной крестьянской литературы для пропаганды отказа доставки рекрутовъ. Это важная, неотложная задача. Быть можетъ, планомѣрная агитація въ духѣ антимилитаризма среди подлежащей отбыванію воинской повинности молодежи дастъ больше результатовъ, чѣмъ пропаганда въ арміи. Что касается изложенія теоретическихъ основъ міровоззрѣнія, то оно *безусловно* необходимо. Среди крестьянъ сильна потребность въ міровоззрѣніи, жива потребность дать нравственную санкцію своему поведенію, осмыслить нравственно человѣческую жизнь.

Великое, глубокое броженіе идетъ среди массъ. Великія думы и тревоги обременяютъ душу народа. Тихо извнѣ, — мучительное, страстное исканіе внутри. Слѣдите за нарожденіемъ сектъ; развѣ не мечется народъ, не ищетъ путей? Но мы этого не знаемъ. Знаемъ такъ, по наслышкѣ. Мы намалевали много програмъ, разработали въ кабинетѣ техническія детали, а какъ мы далеки отъ деревни! Какъ убоги наши знанія и связи съ ней! Безъ знанія души народной не будетъ плодотворной и наша обыденная, практическая работа. Безъ глубоко продуманнаго міросозерцанія не утолить намъ запросовъ народной совѣсти и мысли. Еще — надо остерегаться отвлеченныхъ «лозунговъ». Надо всегда помнить реальную, унылую, простую деревню съ ея волостью, колокольней, убогими хатами. Надо представить себѣ реально, какъ данный лозунгъ осуществить *на практикѣ*; а для этого необходимо быть связанными съ деревней, не ограничиваться разсылкой агитаторовъ; необходимо быть связанными съ народомъ постоянно и прочно. Большую услугу можетъ оказать, несомнѣнно, деревенская интеллигенція. Надо бросить глупые, антиинтеллигентскіе предразсудки: работа среди народныхъ учителей и учительницъ, учениковъ землемѣрныхъ и агрономическихъ училищъ — нужна и плодотворна. Она можетъ помочь народу углубить движеніе, придать ему большую планомѣрность. Наши принципы близки народу. Парламентаріи несравненно меньше будутъ поняты. Мы только должны сумѣть быть практиками, сумѣть подойти просто къ жизни крестьянъ. И успѣхъ нашъ обезпеченъ. А *нашъ* успѣхъ — это успѣхъ правды народной.

Рощинъ.

Теорія и практика пролетарской борьбы.*)

I.

Слово «ревизіонизмъ», въ переводѣ на русскій языкъ означающее «пересмотръ», звучитъ непріятно для каждаго, считающаго себя революціоннымъ, соціалиста. Объясняется это тѣмъ, что у насъ до послѣдняго времени почти не было предпринято съ *лѣвой* отъ соціальдемократіи стороны теоретическаго пересмотра тѣхъ основъ, изъ которыхъ современная соціальдемократія выводитъ свои предсказанія о будущемъ и тактику для настоящаго времени. Пересмотръ, отцомъ котораго считается Бернштейнъ, шелъ справа и, беря свое начало изъ никогда не бывшихъ революціонно-пролетарскими, а всегда лишь радикально-буржуазными, тактическихъ положеній соціальдемократіи, онъ естественно предназначался къ еще большему приниженію революціонныхъ лозунговъ пролетаріата, къ возможно большему согласованію его политическихъ дѣйствій съ политическими дѣйствіями демократической части буржуазіи.

Но вотъ изъ нѣдръ болѣе сознательной части рабочихъ массъ выростаетъ новое теченіе, также «пересматривающее» теоретическія и тактическія положенія соціальдемократіи. Это теченіе — *революціонный синдикализмъ*. Однако, въ отличіе отъ идущаго справа бернштейновскаго пересмотра, революціонный синдикализмъ является пересмотромъ слѣва. Въ связи съ этимъ и цѣли его противоположны: его цѣлью является не приниженіе революціонныхъ лозунговъ, а обостреніе ихъ. Разница между обоими пересмотрами съ внѣшней и внутренней стороны заключаются въ томъ, что ревизіонизмъ признаетъ свою законную связь съ соціальдемократіей, революціонный-же синдикализмъ враждебенъ ей, какъ и всякому другому государственному ученію. Революціонный синдикализмъ объявилъ такую же войну соціальдемократіи, какъ и всему буржуазно-капиталистическому обществу. Наравнѣ съ соціальдемократіей онъ стоитъ на *классовой* точкѣ зрѣнія. Но въ противоположность ей онъ — *аполитиченъ*. Соціальдемократія, наравнѣ со всѣми буржуазными партіями, теченіе государственное. Революціонный синдикализмъ — *антигосударственъ*.

Изъ этихъ основныхъ противоположеній вытекаетъ и разница въ тактическихъ лозунгахъ. Революціонный синдикализмъ, отрицая цѣлесообразность *сотрудничества* классовъ и стоя на точкѣ зрѣнія классовой *борьбы*, опредѣляемой *непримиримостью* классовыхъ противорѣчій, тѣмъ самымъ отрицаетъ государство, парламентскую и конституціонную «работу», и ведетъ борьбу внѣ тѣхъ или иныхъ государственно-правовыхъ организацій и *независимо* отъ нихъ, перенося всю тяжесть ея на *непосредственное дѣйствіе*, на исключительно классовыя *пролетарскія* организаціи.

Революціонный синдикализмъ выводитъ свои тактическія построенія изъ того положенія, что *для пролетаріата* безразлично, въ какихъ государственныхъ формахъ — монархическихъ, конституціонныхъ или республиканскихъ — ему приходится бороться противъ буржуазіи. Онъ доказываетъ, что никогда ни одинъ изъ конфликтовъ, назрѣвшихъ въ буржуазномъ обществѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, не по-

---

*) Препровождая въ редакцію «Рабочаго Міра» настоящую статью, я считаю необходимымъ указать, что она является отчасти воспроизведеніемъ моей статьи, напечатанной лѣтомъ 1911 г. въ «Парижскомъ Вѣстникѣ». Но имѣя въ виду во-первыхъ новую, исключительно рабочую аудиторію, во-вторыхъ рядъ статей о «Недостаткахъ синдикализма», печатаемыхъ въ настоящее время товарищемъ Оргеіани въ нью-іоркскомъ «Голосѣ Труда», я считаю неотложно нужнымъ именно теперь еще разъ развить и дополнить изложенныя мною тогда положенія. А. Г.

лучалъ разрѣшенія ни черезъ монархію, ни черезъ парламентъ, если предметъ конфликта не опирался на непосредственное дѣйствіе класса пролетаріата или на близкую возможность такого дѣйствія — *на организованную реальную силу*.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что въ послѣднее время изъ рядовъ соціальдемократіи, въ наиболѣе острые моменты всегда идущей въ хвостѣ рабочаго движенія, раздаются отдѣльные голоса въ пользу правильности основныхъ тактическихъ положеній революціоннаго синдикализма. Объ этомъ свидѣтельствуютъ такіе факты, какъ исключеніе доктора Фридберга изъ германской партіи, выступленіе Панекука въ защиту всеобщей стачки, обвиненіе Розой Люксембургъ центральнаго комитета германской партіи въ «парламентско-реформаторскомъ кретинизмѣ» по поводу запрещенія дискутировать въ Vorwaerts'ѣ вопросъ о всеобщей стачкѣ и т. д.

Синдикалистовъ обвиняютъ, что они иногда злоупотребляли революціонными методами. Допустимъ на минуту, что это такъ. Но у нихъ нѣтъ *теоретическихъ* колебаній, какъ въ «единой и нераздѣльной». Напримѣръ, по вопросу о голосованіи за бюджетъ южно-германскіе соціальдемократы находятъ, что съ точки зрѣнія марксизма голосовать за бюджетъ нужно и можно, а сѣверо-германскіе — что нельзя и вредно. Одни считаютъ всеобщую стачку иногда необходимой и дискуссію о ней полезной, Vorstand германской партіи воспрещаетъ ее. Бернштейнъ, Давидъ и многіе другіе — сторонники колоніальной политики, «ортодоксы» враждебны ей. Одни за соблюденіе придворнаго церемоніала и за хожденіе ко двору, другіе — противъ.

Въ Россіи одна часть соціальдемократіи считаетъ возможнымъ участвовать въ эпоху контръ-революціи въ легальныхъ организаціяхъ, другая — вреднымъ. Одни за участіе въ Государственной Думѣ безусловно, другіе — за условное участіе, третьи — противъ участія. Одни — за избирательные блоки и соглашенія съ буржуазіей, другіе — противъ.

Во Франціи, Италіи, Бельгіи, однимъ словомъ всюду, гдѣ существуютъ министерства и соціальдемократы, вопросъ объ участіи соціалистовъ въ буржуазныхъ министерствахъ раздираетъ «единую и нераздѣльную» на рядъ враждующихъ теченій. И все это — съ точки зрѣнія одного и того же критерія, марксизма. Выражаясь фигуральнымъ опредѣленіемъ профессора Антоніо (не Артуро!) Лабріола, каждый изъ нихъ, считающій свою непогрѣшимость значительно выше папской, претендуетъ на признаніе себя чѣмъ-то вродѣ «вице-оберъ-унтеръ Маркса», марксистомъ «божіей милостью». Въ дѣйствительности-же каждый изъ этихъ «носителей божественнаго начала» создалъ себѣ чучело собственной работы, которое почему-то окрестилъ во имя Маркса. Марксисты... отъ чучела.

Въ революціонномъ синдикализмѣ нѣтъ теоретическихъ колебаній, онъ отъ начала до конца — стройная теорія, послѣдовательно опредѣляющая логику, содержаніе и конечныя цѣли пролетарской борьбы. Призванный къ жизни обостреніемъ антагонизма классовъ и будучи самымъ послѣдовательнымъ выразителемъ непримиримости классовыхъ противорѣчій, онъ является *исторической необходимостью*, какія всегда выдвигаются Исторіей на смѣну стараго, отжившаго.

Das alte stürzt, es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen...

II.

Развитіе тактическихъ построеній непосредственно вытекаетъ не только изъ различія въ теоретическихъ предпосылкахъ. Этими послѣдними опредѣляется лишь разница въ принципіальныхъ положеніяхъ о логикѣ классовой борьбы, о ея демократическомъ или аполитическомъ содержаніи, отдѣляющая революціонный синдикализмъ отъ соціальдемократіи. Тактическіе-же лозунги, безусловно находясь въ тѣсной связи съ принципіальной концепціей, зависятъ не только отъ теоріи, но и отъ событій. Принципіальная концепція лишь направляетъ, лишь наводитъ на то или иное отношеніе къ событіямъ.

Ближайшее событіе, стоящее передъ всякимъ и, въ частности, передъ россійскимъ пролетаріатомъ — Революція. Будетъ ли она пролетарской или буржуазной? Каковы ея перспективы, размахъ, этапы? Каково соотношеніе враждующихъ силъ? Каковъ вѣроятный исходъ?

Когда-то эти вопросы ставила себѣ и соціальдемократія. И какъ всегда, когда дѣло касается дѣйствія они разбили «единую и нераздѣльную» на нѣсколько діаметрально противоположныхъ направленій, изъ которыхъ болѣе рѣшительное провозгласило, — впрочемъ, довольно нерѣшительно, — лозунгъ о диктатурѣ пролетаріата, другое говорило о его гегемоніи, а третье — о гегемоніи буржуазіи. Это былъ споръ о максимальныхъ и минимальныхъ лозунгахъ. Въ настоящее время вопросъ о диктатурѣ пролетаріата окончательно изъятъ изъ соціальдомократическаго обихода, дискутируется лишь вопросъ о гегемоніи.

Къ диктатурѣ мы перейдемъ позже, сейчасъ же постараемся раскрыть значеніе лозунга «гегемонія». Гегемонія означаетъ: предводительство, руководителство. Такъ какъ рѣчь идетъ о *современной* Революціи, носящей классовый характеръ, то, въ приложеніи къ ней, гегемонія означаетъ совмѣстное участіе въ ней *нѣсколькихъ* классовъ подъ предводительствомъ какого-нибудь одного класса. Предводительство должно выражаться въ томъ, что лозунги, выдвигаемые во время и во имя борьбы этимъ классомъ, становятся лозунгами еще и другихъ элементовъ населенія, въ этотъ классъ не входящихъ, воспринимаются ими. Такимъ образомъ, классовыя различія и противорѣчія, какъ таковыя, во время борьбы фактически должны перестать существовать, — иначе немыслимо единообразное (совмѣстное) дѣйствіе нѣсколькихъ различныхъ категорій. Вслѣдствіе этого *гегемонія пролетаріата* во время революціи означаетъ: воспріятіе лозунговъ революціоннаго пролетаріата буржуазіей, т. е. отказъ буржуазіи, хотя бы и на короткое только время, — на время борьбы, — отъ ея собственныхъ классовыхъ лозунговъ.

Установивъ это, изслѣдуемъ тѣ объективныя условія россійской дѣйствительности, которыя должны привести насъ къ признанію или отрицанію правильности соціальдемократическаго положенія о *гегемоніи пролетаріата*.

Общественная структура Россіи внутренне представляетъ такую картину: въ нѣдрахъ феодальнаго строя зародилась буржуазія промышленная; за время, прошедшее съ раскрѣпощенія крестьянъ, буржуазія эта окрѣпла, выросла количественно и качественно, сорганизовалась въ классъ. Наступила стадія развитія, такъ опредѣляемая Коммунистическимъ Манифестомъ: «Феодальная организація, феодальныя отношенія производства оказались несовмѣстимыми съ вновь народившимися производительными силами... они стали цѣпями производства... эти цѣпи нужно было разбить». Другими словами, наступилъ моментъ конфликта между формами производства и производительными силами. Буржуазія въ цѣляхъ самосохраненія и для обезпеченія дальнѣйшаго развитія производства, возстаетъ противъ старыхъ политическихъ формъ, тормазящихъ развитіе и устраняющихъ ее отъ активнаго вмѣшательства въ политическую жизнь. Ея классовые интересы требуютъ участія въ законодательной работѣ, она сама должна направлять внутреннюю и внѣшнюю политику. Ей необходимы все новые рынки, внутренніе и внѣшніе, нужно оградить свое отечественое производство отъ губительнаго вліянія иностранной конкурренціи. Для этого она должна имѣть и создавать таможенные тарифы вести захватную и завоевательную колоніальную политику, обезпечивать бюджетъ, соотвѣтствующей системой налоговъ, различными культурными мѣропріятіями поднять производительныя и покупательныя силы страны и т. д., и т. д.

Степень участія буржуазіи въ государственной власти очень различна въ разныхъ странахъ и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ея экономической величины. Рамки буржуазнаго господства естественно имѣютъ тенденцію къ постоянному расширенію. Выраженіемъ наибольшей экономически-политической мощи буржуазіи является демократическая республика, т. е. такая разновидность государственной власти, при помощи которой она можетъ въ наиболѣе законченной формѣ выразить свое господство.

Производство — основа общества (Марксъ). Во имя производства феодально-монархическій строй вынужденъ уступить мѣсто конституціонному, иначе современное производство должно погибнуть, общество — придти въ упадокъ. Декадансъ общества всегда идетъ объ руку съ декадансомъ производства.

Конфликтъ, образовавшійся между феодальными или монархически-конституціонными формами производства и переросшими ихъ производительными силами теоретически можетъ быть ликвидированъ двояко: мирнымъ путемъ или революціонно. Это зависитъ какъ отъ остроты его, такъ и отъ соотношенія силъ. Практически же успѣшное, т. е. вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе его почти всегда является результатомъ насильственнаго, т. е. революціоннаго измѣненія строя.

Таковы причины, вслѣдствіе которыхъ и наша буржуазія «революціонизировалась», очутилась передъ необходимостью

— въ виду несговорчивости самодержавнаго правительства— насильственнаго измѣненія формы правленія.

Такъ было, такъ будетъ.

Однако, могутъ — и справедливо — задать намъ вопросъ: если революція въ послѣфеодальную эпоху всюду обусловливалась одинаковыми причинами, то почему же ни о диктатурѣ *пролетаріата*, ни о гегемоніи его никогда не возникало принципіальнаго вопроса: ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи, ни гдѣ бы то ни было?

Тутъ мы вплотную подходимъ къ тому, что насъ интересуетъ. Дѣло въ томъ, что русская буржуазная революція отличается отъ предшествовавшихъ ей по времени революцій другихъ странъ наличностью въ ней, какъ *крупной активнойсилы, сознательнаго* пролетаріата. Революціи на Западѣ происходили значительно раньше, когда промышленность и производство еще находились преимущественно въ стадіи мануфактуры и ремесла. Пролетаріата почти не было какъ *самостоятельной* силы, — какъ *сознательный же классъ* онъ не существовалъ совсѣмъ. Вотъ почему и не могло быть рѣчи ни о *классовыхъ* лозунгахъ пролетаріата, ни о его гегемоніи. Сознательно-активнымъ элементомъ въ западно-европейскихъ революціяхъ была буржуазія. Она давала свои лозунги, которые подхватывались «чернью», трудовымъ народомъ, и борьба шла за *эти буржуазные* лозунги. То была совмѣстная борьба всего «народа» подъ эгидой буржуазіи противъ общаго врага,—была *гегемонія буржуазіи*.

Но съ тѣхъ поръ прошло много времени. Условія производства претерпѣли коренныя видоизмѣненія. Мануфактура и ремесло замѣнены машиной и фабрикой. Въ результатѣ измѣненія условій производства — быстрое нарожденіе новаго класса, пролетаріата, увеличивающагося одновременно съ расширеніемъ производства. *Русская революція совершается въ такое время, когда измѣнившіяся условія производства уже дифференцировали собственную структуру.* Соціальная структура Россіи въ моментъ революціи оказалась иной, чѣмъ структуры населеній западно-европейскихъ государствъ 60—100 лѣтъ тому назадъ. Тамъ буржуазія и «народъ» боролись вмѣстѣ, подъ одними знаменами, противъ одного и то же общаго врага. У насъ же активныхъ элементовъ въ борьбѣ уже не два, а три: 1) поддерживаемое крупной (феодальной) буржуазіей самодержавное правительство, 2) либеральная буржуазія различныхъ оттѣнковъ и 3) пролетаріатъ. Каждая изъ этихъ категорій имѣетъ *свои отдѣльные лозунги*, вытекающіе непосредственно изъ сознанныхъ классовыхъ интересовъ. При этомъ классовые интересы буржуазіи непримиримы съ классовыми интересами пролетаріата. Положеніе же ея, какъ производителя, непримиримо съ настоящими формами производства — политическимъ строемъ. Такимъ образомъ, буржуазія въ россійской революціи занимаетъ очень своеобразное и въ то же время вполнѣ естественное при данныхъ условіяхъ производства среднее положеніе: она вынуждена бороться одновременно противъ правительства и противъ пролетаріата. Ей, конечно, очень выгодно было бы воспользоваться силами пролетаріата, ей очень хотѣлось бы заставить его забыть о его лозунгахъ, послать его въ огонь за буржуазными каштанами. Но въ 1905—1906 гг. она убѣдилась въ невозможности этого. Въ красные дни пролетаріатъ не только не воспринялъ лозунговъ либеральной буржуазіи, а выставилъ свои собственные, идущіе значительно дальше буржуазныхъ, угрожающіе уже не только самодержавному строю, но *и ея, буржуазіи*, классовымъ интересамъ. Тогда она рѣзко повернулась спиной къ «красной тряпкѣ», съ которой сначала заигрывала, и начала искать союза съ вчерашнимъ врагомъ, правительствомъ, для совмѣстной борьбы противъ общаго и для обоихъ большаго врага, — пролетаріата. Наша буржуазія имѣетъ передъ западно-европейской буржуазіей то громадное преимущество, что она можетъ оперировать на сознательномъ учетѣ классовыхъ интересовъ и противорѣчій.

Для иллюстраціи непримиромости лозунговъ буржуазіи и пролетаріата достаточно будетъ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ, произвольно выхваченныхъ изъ исторіи 1905—1906 гг.

1) Во время проекта булыгинской Думы и, далѣе, во время выборовъ во первую Думу пролетаріатъ выдвинулъ лозунгъ бойкота. Буржуазія участвовала въ Думѣ.

2) Во время функціонированія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ пролетаріатъ шелъ подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія. Буржуазный «Союзъ союзовъ» пригласилъ Сов. Раб. Деп. прислать делегатовъ на собраніе, имѣющее цѣлью обсудить вопросы въ связи съ характеромъ (!) и предѣлами Учредительнаго Собранія. Ясно, что лозунги не совпадали

3) На «Выборгскомъ Собраніи», послѣ разгона первой Думы, буржуазія, скрѣпя сердце, рѣшилась призвать къ пассивному сопротивленію. Пролетаріатъ призывалъ къ активности. Лозунги не только не совпадали, но и діаметрально расходились.

Изъ этихъ примѣровъ видно, насколько интересы русской буржуазіи отличались въ своемъ проявленіи, — въ лозунгахъ, — отъ интересовъ пролетаріата въ моментъ наивысшаго подъема революціи. Они отличались настолько, что буржуазія, испугавшись размаха пролетарской Революціи, поспѣшила предать анаѳемѣ «красную тряпку» и бросилась въ объятія правительства для совмѣстной съ нимъ борьбы противъ Революціи.

Такимъ образомъ, гегемонія пролетаріата въ россійской революціи оказалась невозможной именно во время максимальнаго напряженія революціонной энергіи: буржуазія не только не восприняла пролетарскихъ лозунговъ, а, наоборотъ, боролась *противъ* нихъ, противопоставляя имъ свои лозунги. Для того, чтобы воспринять пролетарскіе лозунги, буржуазіи нужно было бы очень «полѣвѣть», — полѣвѣть до того, чтобы забыть о своихъ классовыхъ интересахъ. И русская соціальдемократія, провозглашая положеніе о «гегемоніи пролетаріата», положила въ основу его именно миѳъ о возможности «полѣвѣнія» буржуазіи, независимо отъ ея классовыхъ интересовъ, въ исключительной зависимости отъ пролетарскаго давленія на нее («толкать буржуазію влѣво»). Мысль эта, съ марксистской точки зрѣнія, неизмѣримо абсурдна и, будучи примѣняема на практикѣ, ведетъ къ бездонному оппортунизму. «Лѣвость» буржуазіи опредѣляется отнюдь не внѣшнимъ факторомъ, — давленіемъ со стороны пролетаріата, — а внутренними условіями производства въ связи съ политическими условіями даннаго времени. Совсѣмъ наоборотъ, исторически доказано, что буржуазія *правѣетъ* каждый разъ, какъ только пролетаріатъ начинаетъ выставлять свои классовыя требованія, На практикѣ это поправѣніе выражается въ блокахъ съ клерикалами, монархистами и прочими реакціонными элементами въ цѣляхъ совмѣстной борьбы противъ пролетаріата. Какъ разъ послѣднее время особенно чревато подобными фактами и показываетъ, что развитіе капитализма осуществляется именно въ направленіи, предсказанномъ Лассалемъ: подъ знакомъ интенсификаціи объединенія *всѣхъ* буржуазныхъ партій противъ рабочаго класса.

Изъ вышесказаннаго ясно, что гегемонія пролетаріата въ россійской революціи вообще абсурдъ, ибо буржуазія *никогда* не пойдетъ въ борьбу за пролетарскіе лозунги.

Но возможно ли у насъ обратное явленіе: революція подъ знакомъ *гегемоніи буржуазіи*, какъ то имѣло мѣсто въ Западной Европѣ? Г. В. Плехановъ полагаетъ или, по крайней мѣрѣ, въ 1906 году полагалъ, что гегемонія буржуазіи у насъ возможна. Всѣмъ, вѣроятно, памятенъ его лозунгъ «полновластная Дума». Разверните его и вы увидите, что онъ означаетъ ничто иное, какъ только призывъ къ гегемоніи буржуазіи. Онъ относился — ко второй Думѣ. Вторая Дума, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ, была кадетской. Облечь кадетскую Думу полнотою власти — значитъ впередъ обязаться признать результаты дѣятельности ея, значитъ, — сказать пролетаріату: ты проливалъ кровь, боролся, а теперь, неудачникъ, возьми то, что захочетъ дать тебѣ добрая буржуазія. А что могли дать сознательные кадеты? Или Плехановъ, можетъ быть, думаетъ, что «полнота» власти лишила бы ихъ сознанія? Ясно, что вся дѣятельность кадетской Думы была бы... кадетской, т. е. враждебной раб. классу, ибо другой она по существу своему, по внутренней логикѣ вещей, и не могла-бы быть. Поэтому лозунгъ «полновластная Дума», подаренный намъ Г. В. Плехановымъ, означалъ призывъ къ гегемоніи буржуазіи. По отношенію къ революціи это былъ лозунгъ оппортунистическій, ибо онъ скрывалъ въ себѣ приглашеніе «не отпугивать» буржуазіи противопоставленіемъ ея требованіямъ пролетарскихъ требованій, признать за ней естественное право на законодательствованіе и поддерживать ее въ ея требованіяхъ.

Мы превосходно знаемъ судьбу, постигшую плехановскій лозунгъ: онъ, отставъ отъ вѣка минимумъ на полстолѣтія, удостоился очень быстрыхъ и пышныхъ похоронъ при дружномъ участіи всего пролетаріата. И лишь кадеты, привѣтствовавшіе его появленіе на свѣтъ, искренно скорбѣли на похоронахъ.

Гегемонія пролетаріата, равно какъ и гегемонія буржуазіи (поскольку она должна относиться къ пролетаріату) являются утопіями. Первая основана на миѳѣ о «полѣвѣніи» буржуа.

зіи, вторая — на неправильномъ учетѣ пролетарскаго сознанія въ данной фазѣ развитія производственныхъ отношеній. Пролетаріатъ, выросшій и сформировавшійся въ громадный классъ, сознающій свои интересы и строящій свое будущее на конфликтахъ, вытекающихъ изъ постояннаго обостренія классовыхъ противорѣчій, можетъ только отрицательно, враждебно относиться къ буржуазно-классовымъ лозунгамъ. Воспринять ихъ онъ уже не можетъ. Поэтому буржуазіи и пролетаріату *никогда* уже не придется сражаться подъ однимъ знаменемъ въ революціи. Они всегда будутъ стоять другъ противъ друга, какъ *враждующія* стороны. Освобожденіе рабочихъ — дѣло рукъ самихъ рабочихъ.

III.

Опредѣливъ, что «современная государственная власть — ничто иное, какъ исполнительный комитетъ по дѣламъ класса буржуазіи», Марксъ указалъ также, что демократія старается замѣнить соціальнымъ миромъ борьбу классовъ, примирить классовыя противорѣчія. Но онъ-же отмѣтилъ, что классовыя противорѣчія, слѣдовательно и антагонизмъ классовъ, должны, въ силу естественнаго закона развитія, постоянно расти.[1]

Этимъ онъ подчеркнулъ несостоятельность, нежизненность демократическаго принципа, гибель котораго явится слѣдствіемъ побѣды пролетаріата надъ буржуазіей. Дѣйствительно, сопоставляя первыя два опредѣленія съ третьимъ, мы не можемъ не придти къ выводу, что въ результатѣ обостренія классоваго антагонизма неизбѣжна будетъ борьба пролетаріата также и съ демократіей, какъ одной изъ формъ государственности.

Производство — основа буржуазнаго общества.

Если преобразованіе монархическаго строя въ строй конституціонный или республиканско-демократическій неразрывно связано съ развитіемъ производства, вытекаетъ изъ него; если, слѣдовательно, демократизація государства необходима для буржуазіи, — то значитъ ли это, что она необходима также и для пролетаріата, для его классовой борьбы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ опредѣленія самой структуры современнаго общества.

Задачей объективнаго изслѣдованія всегда и раньше всего является — разложить объектъ изслѣдованія на составляющіе его основные элементы, отдѣливъ явленія послѣдующія отъ явленій причинныхъ.

А формы государственности — представляютъ-ли онѣ, какъ и самъ принципъ государственности, причинное или послѣдующее явленіе?

Несомнѣнно послѣдующее. Всякая государственная власть, всякая форма ея — юридическая надстройка, предназначенная для закрѣпленія существующихъ капиталистическихъ отношеній, для охраны и огражденія частной собственности. Слѣдовательно, *бороться за измѣненіе государственныхъ формъ значитъ въ то-же время вести борьбу за сохраненіе частной собственности.*

Задача же борьбы пролетаріата лежитъ какъ разъ въ обратной плоскости: *въ уничтоженіи частной собственности*, въ борьбѣ съ причиннымъ явленіемъ — капитализмомъ.

Поэтому логика пролетарской борьбы заключается не въ установленіи вмѣсто одной государственной формы, охраняющей частную собственность, какой-нибудь другой, которая тоже должна охранять ее; не въ томъ, чтобы активно содѣйствовать буржуазіи въ разрѣшеніи процессовъ, которые до извѣстнаго этапа сами разрѣшаются, ибо вытекаютъ изъ сущности капитализма. Классовыя требованія пролетаріата не находятся ни въ какой связи съ высшими формами государственности, наоборотъ, — они зависятъ исключительно отъ капиталистическихъ условій производства. *Поэтому борьба пролетаріата не можетъ имѣть политическихъ тенденцій, она направляется непосредственно противъ буржуазіи, т. е. противъ капитала.* И вовлекать пролетаріатъ въ политическую борьбу равносильно отвлеченію его отъ непосредственныхъ классовыхъ задачъ, совращенію его на путь содѣйствія буржуазіи, на путь классоваго сотрудничества для укрѣпленія капитализма путемъ созданія для него новыхъ политическихъ рамокъ, въ которыхъ онъ удобнѣе могъ-бы существовать.

Итакъ, ростъ промышленности влечетъ за собою ростъ классоваго антагонизма. Антагонизмъ этотъ, въ своемъ развитіи, долженъ будетъ послужить причиною паденія всякихъ государственныхъ формъ, до демократической, которая задается несбыточной цѣлью нивеллировать классовыя противорѣчія, включительно. Это — законъ развитія. Логическій выводъ изъ этого — отрицательное отношеніе пролетаріата ко всякой демократіи, соціальной также какъ и буржуазной. И революціонный синдикализмъ — выразитель этой концепціи; вотъ почему онъ антигосударственъ и аполитиченъ.

Революціонные синдикалисты превосходно знаютъ, что, кромѣ вопросовъ принципіальнаго характера, существуетъ еще рядъ вопросовъ тактики, цѣлесообразности. Но и подъ угломъ зрѣнія цѣлесообразности отрицательное отношеніе ихъ къ парламентаризму блестяще оправдывается. Для синдикалистовъ, разъ навсегда установившихъ, что монархія и демократія являются въ одинаковой мѣрѣ орудіями угнетенія рабочаго класса, представляя собою лишь различныя внѣшнія формы организаціи буржуазіи, т. е. капитала, возникъ вопросъ: *можно ли считать парламентъ орудіемъ борьбы пролетаріата?*

Еще Марксъ указывалъ на то, что въ Англіи вопросъ о 10-часовомъ рабочемъ днѣ получилъ разрѣшеніе не черезъ парламентъ, а благодаря непосредственному дѣйствію массъ. Вандервельде, этотъ ортодоксальнѣйшій изъ ортодоксальныхъ оппортунистовъ, въ силу своего соціальдемократизма, логически пришедшій къ признанію необходимости для соціальдемократовъ участвовать въ буржуазныхъ правительствахъ, въ свою очередь констатируетъ независимость пролетарской борьбы отъ формъ государственности, въ частности отъ парламентаризма. «Вся исторія пролетарскаго движенія, — пишетъ онъ въ «Peuple», — указываетъ, что рабочіе всегда вырываютъ у буржуазнаго парламента реформы не иначе, какъ посредствомъ самостоятельной борьбы... Безъ кампаніи типографовъ Брюсселя и гентскихъ ткачей еще и теперь въ Бельгіи требовали бы отмѣна закона объ ассоціаціяхъ». Наконецъ, вся исторія парламентаризма, въ частности же исторія германской соціальдемократіи, на которую такъ любятъ ссылаться наши «ортодоксы» и «блестящія побѣды» которой[1] на поприщѣ абсолютистскаго парламентаризма не даютъ имъ спать, насъ приводитъ къ совершенно обратнымъ выводамъ. А внѣпарламентскія организаціи, какъ пролетаріата, такъ и буржуазіи въ классическихъ странахъ парламентаризма, — Франціи, Англіи и С.-А. С. Штатахъ, — только укрѣпляютъ насъ въ справедливости нашихъ выводовъ, наглядно свидѣтельствуя, что какъ разъ въ странахъ съ наиболѣе развитой промышленностью вся дѣйствительная борьба ведется не въ парламентѣ, а во внѣпарламентскихъ организаціяхъ, — синдикатахъ, — и не путемъ краснорѣчивыхъ преній и голосованій, а исключительно путемъ непосредственныхъ дѣйствій стоящихъ другъ противъ друга противниковъ, дѣйствій, опирающихся на сорганизованную, собранную въ этихъ синдикатахъ, *реальную* классовую силу.

Что для пролетаріата безразлична форма государственности, развѣ не доказывается также одинаковымъ отношеніе къ нему буржуазіи, независимо отъ формъ правленія? Развѣ конституціонная Англія и демократическая Франція не ведутъ колоніальныхъ войнъ съ бурами, въ Индіи и Марокко, какъ самодержавная Россія съ Японіей? Развѣ возставшая толпа на улицахъ самодержавной Москвы разстрѣливается по менѣе конституціонному способу, чѣмъ стачечники на улицахъ конституціоннаго Рима? Или, быть можетъ, конститу[ціон]ные пулеметы смертоносны менѣе самодержавныхъ? А ра[зв]ѣ въ демократической Франціи или въ ультра-демократиче[ск]ой Швейцаріи отмѣнена смертная казнь. Или демократическая веревка удушиваетъ съ лучшими результатами, чѣмъ столыпинскій галстухъ?

На вопросъ о томъ, можно ли разсматривать парламентъ какъ орудіе борьбы пролетаріата самъ собою вытекаетъ отрицательный отвѣтъ. Единственное орудіе борьбы для пролетаріата — его реальная физическая сила, пользуясь которой и постоянно нарушая производство, онъ насильно вырываетъ у буржуазіи удовлетвореніе своихъ требованій.

Каждый разъ, когда пролетаріатъ накладываетъ руку на производство и прибѣгаетъ къ непосредственному дѣйствію, онъ является диктующей условія наступательной стороной. Каждое непосредственное выступленіе его *является осуществленіемъ его диктатуры.* Правда, это не есть еще та окончательная диктатура, которая осуществитъ уничтоженіе

1, Коммун. Маниф., гл. III: «Развитіе антагонизма классовъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности».

1. А что скажутъ они послѣ «побѣды», вынесенной соціальдемократіей въ рейхстагѣ по вопросу о страхованіи рабочихъ, несмотря на свои «нѣсколько милліоновъ голосовъ»? Развѣ возможно представить себѣ болѣе полное пораженіе.

частной собственности и переходъ къ коллективизму. Но все же это — составная часть ея, *одна изъ формъ пролетарской власти, — той власти, которая, по мѣрѣ роста классоваго самосознанія пролетаріата и накопленія силъ, приведетъ къ окончательному торжеству его.*

Александръ Ге.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«МОЛОТЪ», органъ группы вольныхъ соціалистовъ. (Предварительное извѣщеніе).

Мы съ удовольствіемъ прочли «предварительное извѣщеніе». Намъ бросилось въ глаза благожелательное отношеніе къ анархистамъ. Намъ захотѣлось выяснить физіономію группы. И вотъ наше мнѣніе: никакой физіономіи нѣтъ...

Робкій, недоговоренный безгосударственный соціализмъ какъ-то стушевывается, отодвигается передъ принявшей уродливо-громадные размѣры *технической* задачей — подготовкой вооруженнаго возстанія. Если бы органъ ставилъ себѣ *только* одну цѣль — обсужденіе боевого вопроса технически, идейное обслуживаніе «боевыхъ организацій» — физіономія была бы опредѣлена. Понятно было-бы заявленіе редакціи (стр. 1): «мы вооруженный блокъ революціонеровъ-соціалистовъ». Понятно было бы тогда, почему группа вольныхъ соціалистовъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы въ ихъ рядахъ были товарищи, исповѣдующіе другіе, чѣмъ они, соціалистическіе принципы: вѣдь ихъ объединяетъ лишь вооруженное возстаніе. Конечно, и органъ по вопросамъ боевой техники будетъ полезенъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ насъ научитъ не такимъ шаблоннымъ истинамъ вродѣ того. что передъ баррикадами необходимо устраивать проволочныя загражденія. (стр. 44). Въ той же статьѣ Меоре сообщаетъ (44): «очень невредно (?) осыпать наступающія войска изъ оконъ верхнихъ этажей всякими тяжелыми предметами — камнями, кусками желѣза, всякаго рода мебелью. что значительно деморализуетъ (?) аттакующихъ». Для сообщенія такихъ наивныхъ свѣдѣній нѣтъ надобности въ спеціальномъ органѣ. Врядъ-ли такія общія мѣста нужны «боевымъ организаціямъ», о которыхъ говоритъ «Молотъ». Кстати: можетъ быть, «Молотъ» объяснитъ намъ, о какихъ такихъ «боевыхъ организаціяхъ» идетъ рѣчь? Надо думать, что эти *боевыя* организаціи кого-нибудь да *бьютъ*, что это не техническія комиссіи, которыя этакъ годиковъ 5—6 занимаются собираніемъ «тяжелыхъ предметовъ»...

Подъ знаменемъ такихъ боевиковъ могутъ сорганизоваться элементы съ весьма своеобразной психологіей, люди, которые, выражаясь словами редакціи, «были-бы довольны отсрочить массовыя выступленія до того времени, когда возрастетъ численность нашихъ боевыхъ организацій».

Разумѣется, мы ничего не *утверждаемъ,* а просто просимъ разъясненія...

Во всякомъ случаѣ, смыслъ «техническаго» журнала ясенъ; задачи группы, издающей его, ясны. Но въ томъ-то и дѣло, что «Молотъ» этой технической задачей не ограничивается. Въ статьѣ «Не дайте обмануть себя» «Молотъ» горячо борется со всякой *программой-минимумъ*; ратуетъ за захватъ земли, фабрикъ, заводовъ... Задачи будущаго рисуетъ чуть-ли не «по Кропоткину». Для того. чтобы пролитая рабочими кровь не была «тучнымъ удобреніемъ буржуазной нивы, на которой рабочіе и сѣютъ и жнутъ, но урожай собираютъ въ чужіе закрома», необходимо не дать себя въ обманъ. Обманъ этотъ состоитъ въ томъ, что рабочіе могутъ подумать, будто нужна только *буржуазная* революція, только политическое освобожденіе, а послѣ лишь — экономическое. Кто-же вводитъ рабочихъ въ заблужденіе? Да «демократическія» партіи — «кто сознательно, кто по неволѣ»... Но позвольте, господа, вы значитъ не просто блокъ вооруженныхъ революціонеровъ-соціалистовъ, *вы — враги* той части соціалистовъ-демократовъ, которая то «сознательно». то «по неволѣ» способствуетъ тому, чтобы кровь рабочихъ послужила «тучнымъ удобреніемъ» буржуазной нивы!..

И какой смыслъ имѣютъ ваши ламентаціи, наивныя и до невѣроятности простоватыя заявленія о томъ, что вы бы всей душой хотѣли въ блокъ со всѣми, въ томъ числѣ съ анархистами? Вы ссылаетесь на интернаціоналъ, но умалчиваете о томъ, что принципы, скомкано и какъ-то конспиративно исповѣдуемые, и вамъ послужили поводомъ къ расколу!

Въ «боретесь» съ демократіей и одновременно наивно заявляете, что вы съ соціалистами-демократами «не вступаете въ борьбу». Нѣтъ, господа, бросьте эту вольность. Какъ приличный и умный буржуа ужъ не говоритъ о тождествѣ интересовъ капитала и труда, такъ и умный, хотя бы трижды «вольный», соціалистъ не можетъ говорить о гармоніи, о блокѣ соц.-демократовъ и революціонеровъ анархистовъ-коммунистовъ.

Мечта о единой рабочей боевой арміи — великая мечта, но не техническая подготовка вооруженнаго возстанія явится вѣстникомъ воплощенія. Ваша двойственность, вашъ робкій максимализмъ и всеобъединяющая «техника» васъ обезсилятъ. сдѣлаютъ безцвѣтными и наложатъ печать *фальши*. И, когда вы, максималисты, съ великолѣпнымъ объективизмомъ заявляете, что, молъ, ничего не имѣете противъ присутствія въ вашихъ рядахъ членовъ другихъ организацій, то рабочимъ этотъ умѣстный въ археологіи объективизмъ покажется *безпринципностью*.

Отмѣтимъ и обратимъ вниманіе товарищей на помѣщенные въ «Молотѣ» «Манифестъ юнты вольной мексиканской партіи» и «Провозглашеніе коммунизма въ государствѣ Коагуила (Мексика). Это — *драгоцѣнные документы*!

Утопистъ.

«Хроника» по недостатку мѣста не могла быть помѣщена въ этомъ номерѣ. *Ред.*

Поступили въ редакцію брошюры: «Анархія» П. Кропоткина, «Борьба съ властью и капиталомъ» М. Корнъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы помѣстимъ подробный отзывъ. Ред. «Рабочаго Міра» привѣтствуетъ несомнѣнно полезное и нужное начинаніе. Желательно, чтобы издательская группа позаботилась объ изданіи цѣлаго ряда этюдовъ, разрабатывающихъ философскія и соціологическія основы анархическаго міровоззрѣнія. Надѣемся, что товарищи всячески поддержатъ «Издательскую группу».

КО ВСѢМЪ ТОВАРИЩАМЪ!

Цюрихская группа анархистовъ-коммунистовъ, издающая «Рабочій Міръ», обращается ко всѣмъ товарищамъ съ просьбой оказать этому листку матеріальную и литературную поддержку. Нашъ листокъ не является органомъ какой-либо фракціи. Мы взяли на себя лишь инціативу изданія, имѣя въ виду помощь другихъ группъ и отдѣльныхъ товарищей. Уже ощущается необходимость расширить нашъ листокъ. Мы будемъ привѣтствовать идею превращенія нашего листка въ органъ федеративно-связанныхъ заграничныхъ группъ.

Товарищи, ждемъ вашей помощи!

Редакція.

Адресъ для корреспонденцій и для денегъ:

Zürich, Poste Banhof, Postfach 15496.